

УДК 82.01(082)+008(082)
ББК Ш300.01Я43+4105я43
М79

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. СХХХХ

МОРТАЛЬНОСТЬ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

М79 **Мортальность в литературе и культуре:** Сб. науч. трудов / Ред.:
А. Г. Степанов, В. Ю. Лебедев. — М.: Новое литературное обозрение,
2015. — 432 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0260-1

В сборник вошли статьи, посвященные широкому кругу вопросов, связанных с гуманитарной и литературоведческой танатологией. Задача — исследовать художественный и социокультурный опыт осмысления и описания смерти. Мортальность рассматривается на обширном материале с разных научно-теоретических позиций. Анализ танатологической проблематики ведется с учетом организации художественной речи, особенностей повествования, семиотических механизмов репрезентации, национального и гендерного аспектов, жанра, топики и т. д.

Издание адресовано филологам, а также всем гуманитариям, интересующимся мортальным дискурсом в культуре.

УДК 82.01(082)+008(082)
ББК Ш300.01Я43+4105я43

В оформлении обложки использованы работы К. Сомова (1869–1939) из собрания Государственной Третьяковской галереи.

© Авторы, 2015

© ООО «Новое литературное обозрение», оформление, 2015

Р. А. Красильников

Вологда

Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии

Задачи данной статьи таковы: я постараюсь, во-первых, очертить контуры танатологии как специфической области научного знания (прежде всего гуманитарного и литературоведческого), во-вторых, наметить ее объектно-предметную сферу, в-третьих, обозначить ключевые, с моей точки зрения, задачи современных танатологических исследований. Надеюсь, что в итоге перед читателем предстанет картина определенной танатологической традиции, которая, возможно, кому-то будет интересна, но, естественно, не претендует на статус единственно верного взгляда на этот вопрос.

Эпистемологическая рефлексия вызвана многочисленными сомнениями различных исследователей по поводу необходимости и даже самого существования танатологии как специфической области знания. Я не раз сталкивался с такой радикальной позицией по отношению к своим разработкам и поэтому чувствую настоятельную необходимость в апологии танатологических изысканий.

Ключевым пунктом этих споров является проблема определения объекта танатологии. Напомню, что К. Исупов в статье «Русская философская танатология» (1994) характеризует данную проблему следующим образом: «...танатология — это наука без объекта и без специального языка описания; ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логоса проблемы, — в плане

виталистского умозаключения, в контексте неизбежной жизненности. Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли как квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий. Танатология молчаливо разделила участь математики или утопии, чьи «объекты» — суть реальность их описания, а не описываемая реальность¹.

Чтобы сформулировать свою точку зрения на эту проблему, необходимо окинуть хотя бы беглым взглядом историю танатологии как области науки, в том числе возникновение ее гуманитарной и литературоведческой отраслей.

На мой взгляд, в эволюции танатологического научного знания можно выделить три основных этапа: 1) период ее возникновения и утверждения в качестве естественной науки (вторая половина XIX — первая половина XX в.); 2) период ее трансформации в междисциплинарную науку и усиления в ней гуманитарного начала (вторая половина XX в.); 3) ее распространение в России и разработка специальных литературоведческих исследований в данной области (рубеж XX–XXI вв.).

1 этап. Оксфордский словарь отмечает использование понятия танатологии или его производных словоформ в медицинских и естественно-научных книгах за 1842, 1861, 1881, 1901 гг.² В России это слово фиксируется в «Большой энциклопедии» 1896 г.³

Одним из основателей научной танатологии по праву считается российский ученый И. Мечников. В работе «Этюды оптимизма» (1907) он приводит слова Л. Толстого, восстававшего «против ученых, которые изучают разные бесполезные, по его мнению, вопросы (как, например, мир насекомых, строение тканей и клеток) и не в состоянии выяснить ни судеб человеческих, ни того, что такое смерть!». В ответ Мечников дает «общий очерк современного положения вопроса о естественной смерти», пытаясь «облегчить» ее дальнейшее изучение⁴.

Идеи И. Мечникова были развиты Г. Шором в книге «О смерти человека (введение в танатологию)» (1925). Разрабатывая терминологический аппарат новой дисциплины («танатолог», «танатологическое мышление», «танатологические задачи»), Шор, по сути, становится основателем танатологического подхода. «... Эти термины придают определенный смысл излагаемому, подчеркивая, что данный вопрос имеет

¹ Исупов К. Г. Русская философская танатология // Вопр. философии. 1994. № 3. С. 106.

² The Oxford English Dictionary. Oxford, 1978. Т. XI. P. 246.

³ Большая энциклопедия: в 20 т. СПб., 1896. Т. XVIII. С. 275.

⁴ Мечников И. И. Этюды оптимизма. М., 1987. С. 90.

то или другое отношение к танатологии в целом и к тому углу зрения, который ею должен проводиться»⁵.

В этот же период наблюдается возникновение научного интереса к проблеме смерти в психоанализе. В начале 1910-х гг. в работах В. Штекеля и С. Шпильрейн появляются термины «инстинкт смерти» и «Танатос»⁶. Решающее значение в обосновании и распространении этих понятий сыграли работы З. Фрейда, в первую очередь «По ту сторону принципа наслаждения» (1920) и «Продолжение лекций по введению в психоанализ» (1933). Напомню, что в психоанализе инстинкт смерти (Танатос) наряду с инстинктом жизни (Эросом) — это одно из базовых бессознательных влечений человека, побуждающее его к агрессии или самоубийству⁷.

В конце XIX — первой половине XX в. появляются и специальные научные танатологические исследования культурологического характера: «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков» (1899) Ю. Кулаковского⁸, «Жизнь мертвых в религиях человечества» (1920) К. Клемена⁹, «Об образе и смысле смерти» (1838) Ф. Хуземана¹⁰ и др. Возникают и первые литературоведческие танатологические работы, например «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого» П. Бицилли (1928)¹¹ и «Размышления о смерти в немецкой поэзии от средневековья до романтизма» В. Рема (1928)¹². Танатологические мотивы в литературе активно изучаются психоаналитиками: З. Фрейдом («Мотив выбора ларца», 1913), И. Нейфельдом («Достоевский», 1923), Н. Осиповым («Страшное у Гоголя и Достоевского», 1927)¹³ и др.

⁵ Шор Г. В. О смерти человека (введение в танатологию). СПб., 2002. С. 19.

⁶ Решетников М. Влечение к смерти // Фрейд З. Мы и смерть; По ту сторону принципа наслаждения; Рязанцев С. Танатология — наука о смерти. СПб., 1994. С. 9–10.

⁷ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Там же. С. 59–60.

⁸ Кулаковский Ю. А. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев, 1899.

⁹ Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. М., 2002.

¹⁰ Хуземан Ф. Об образе и смысле смерти: история, физиология и психология проблемы смерти. М., 1997.

¹¹ Бицилли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого (1928) // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 473–499.

¹² Rehm W. Der Todesgedanke in der deutschen Dichtung vom Mittelalter bis zur Romantik. Darmstadt, 1967.

¹³ Фрейд З. Мотив выбора ларца // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 35–46; Нейфельд И. Достоевский // Там же. С. 162–216; Осипов Н. Страшное у Гоголя и Достоевского // Там же. С. 237–257.

II этап. Определяющими для развития танатологии во второй половине XX в. стали последствия Второй мировой войны. Многие танатологи принимали непосредственное участие в реабилитации участников боевых действий. В результате возникло целое научное сообщество, объединившее людей самых разных профессий: врачей, психиатров, психологов, философов и др. В 1959 г. прошел определяющий для становления танатологии симпозиум «Понятие смерти и его связь с поведением человека», и тогда же был издан первый междисциплинарный труд — «Значение смерти» (под редакцией Г. Фейфеля)¹⁴. С тех пор в зарубежной науке, прежде всего в США, существует устойчивый междисциплинарный интерес к теме смерти. Его результатом стало появление множества работ по танатологической психологии, и первую очередь книг Э. Кюблер-Росс («О смерти и умирании», 1969)¹⁵ и Р. Кастенбаума и Р. Айзенберга («Психология смерти», 1972)¹⁶. Развитию науки о смерти способствовало создание в 1968 г. Фонда танатологии, в 1976 г. — Ассоциации образования и консультирования по вопросам смерти, или Танатологической ассоциации (www.adec.org). В рамках этих организаций в США проводятся ежегодные конференции междисциплинарного характера.

В европейской танатологии изначально активно разрабатывался гуманитарный аспект, представленный книгами В. Янкелевича («Смерть», 1966)¹⁷, Ж. Бодрийяра («Символический обмен и смерть», 1976)¹⁸, Ф. Арьеса («Человек перед лицом смерти», 1977)¹⁹, Т. Махо («Метафоры смерти: к логике пограничного опыта», 1987)²⁰, К. Харта Ниббрига («Эстетика смерти», 1989)²¹ и др.

Первооткрывателем данной темы для советского читателя стал академик И. Фролов, писавший в работе «Перспективы человека» (1979) о необходимости междисциплинарного, диалектического подхода к феномену смерти: «Чрезвычайно плодотворно, мне кажется, вообще подойти к проблеме смерти не просто “с точки зрения естествознания”, дополненной эмоциональными переживаниями, или с чисто нравственно-философских позиций, пытаюсь “снять” эти переживания, а в един-

¹⁴ The Meaning of Death / ed. H. Feifel. New York; Toronto; London, 1959.

¹⁵ Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.; Киев, 2001.

¹⁶ Kastenbaum R., Aisenberg R. The Psychology of Death. New York, 1972.

¹⁷ Янкелевич В. Смерть. М., 1999.

¹⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

¹⁹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

²⁰ Macho T. H. Todesmetaphern: zur Logik der Grenzerfahrung. Frankfurt/M., 1987.

²¹ Харт Ниббриг К. Л. Эстетика смерти. СПб., 2005.

стве того и другого, причем с учетом не только личностных переживаний и размышлений по поводу твоей смерти как явления, относящегося именно к тебе самому, но и того, как оно отражается в другом, для которого твоя смерть является чистой рефлексией сознания и эмоций»²².

Во второй половине XX в. значительно расширилась танатологическая литературоведческая библиография. Из многочисленных исследований этого периода отметим концептуальные статьи М. Бланшо («Художественное пространство и пространство смерти», 1955)²³, Ф. Хофмана («Смертность и современная литература», 1958)²⁴, М. Бахтина (заметки 1961 г.)²⁵, Х. Дэмбриха и И. Дэмбриха (словарная статья в книге «Темы и мотивы в западной литературе», 1987)²⁶ и др. В 1970-е гг. В. Казак начинает работу над своим фундаментальным трудом о теме смерти в русской литературе («Гоголь и смерть», 1979)²⁷.

III этап. Рубеж XX–XXI вв. — период повышенного внимания к танатологии в России, очевидно обусловленный долгим табуированием этой проблематики. Организуется Ассоциация танатологов Санкт-Петербурга (сейчас — Санкт-Петербургское общество танатологических исследований), которая занимается изданием альманаха «Фигуры Танатоса» (1991, 1992, 1993, 1995, 1998, 2006)²⁸. Переводятся труды зарубежных авторов, публикуются оригинальные работы.

Первые отечественные статьи и книги по танатологии П. Гуревича, А. Лаврина, С. Рязанцева²⁹ и др. отличались научно-популярным

²² Фролов И. Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М., 2008. С. 280.

²³ Бланшо М. Пространство литературы. М., 2002. С. 81–162.

²⁴ Hoffman F. J. Mortality and Modern Literature // The Meaning of Death. P. 133–156.

²⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 329–360.

²⁶ Daemrich H. S., Daemrich I. G. Themes & Motifs in Western Literature: A Handbook. Tübingen, 1987. P. 78–82.

²⁷ Kasack W. Gogol' und der Tod // Russ. Lit. 1979. № 7. S. 625–664.

²⁸ Фигуры Танатоса: Символы смерти в культуре. СПб., 1991. [Вып. 1]; Фигуры Танатоса: Философские размышления на тему смерти. СПб., 1992. [Вып. 2]; Фигуры Танатоса. СПб., 1993. Вып. 3 (специальный): Первая междунар. конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества»; Фигуры Танатоса: философ. альм. СПб., 1995. Вып. 5 (специальный): Вторая междунар. конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества»; Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998. [Вып. 4]; Фигуры Танатоса: философ. альм. СПб., 2001. Вып. 6: Кладбище; Memento vivere, или Помни о смерти: сб. ст. М., 2006.

²⁹ Гуревич П. С. Жница с косой: Жизнь после смерти // О смерти и бессмертии. М., 1991. С. 3–37; Лаврин А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М., 1993; Рязанцев С. Танатология — наука о смерти // Фрейд З. Мы и смерть; По ту сторону принципа наслаждения; Рязанцев С. Танатология — наука о смерти. С. 85–379.

характером. Большой вклад в осмысление танатологии как области научного знания внесли К. Исупов («Русская философская танатология», 1994)³⁰, А. Демичев («Философские и культурологические основания современной танатологии», 1997)³¹, Д. Матяш («Танатология: социокультурный контекст», 1997)³², М. Шенкао («Смерть как социокультурный феномен», 2003)³³, Т. Мордовцева («Трансформация феномена культа в контексте отечественной танатологии», 2004)³⁴ и др. Специальные словарные статьи о танатологии появились в справочной литературе, например в «Философском энциклопедическом словаре» (1997), энциклопедии «Культурология. XX век» (1998), «Проективном философском словаре» (2003)³⁵ и др. В. Варава, выделяя различные направления в современной российской танатологии, называет ее состояние «танатологическим ренессансом»³⁶.

На рубеже XX–XXI вв. начинаются также спецификация литературоведческой танатологии, разработка ее терминологического и методологического аппарата. Из работ такого плана в первую очередь необходимо отметить исследования Ю. Лотмана («Смерть как проблема сюжета», 1992)³⁷, О. Постнова («Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа», 2000)³⁸, А. Бабаянца («Несколько замечаний о категории смерти в литературе», 2002)³⁹, Ю. Семикиной («Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1880-х гг.: образы и мо-

³⁰ Исупов К. Г. Русская философская танатология // *Вопр. философии*. С. 106–114.

³¹ Демичев А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1997; *Он же*. Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию. СПб., 1997.

³² Матяш Д. В. Танатология: социокультурный контекст: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1997.

³³ Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен. Киев; М., 2003.

³⁴ Мордовцева Т. В. Трансформация феномена культа в контексте отечественной танатологии: дис. ... д-ра культурологии. М., 2004.

³⁵ Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского и др. М., 1997. С. 447; *Культурология. XX век: энцикл.: в 2 т.* СПб., 1998. Т. 1. С. 245; *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия*. СПб., 2003. С. 392.

³⁶ Варава В. В. Современная российская танатология (опыт типологического описания) // *Парадигма: Философско-культурологический альманах*. СПб., 2008. Вып. 10. С. 61.

³⁷ Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417–430.

³⁸ Постнов О. Г. Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа. Новосибирск, 2000.

³⁹ Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // *Начало: сб. ст.* М., 2002. Вып. 5. С. 52–64.

тивы», 2002)⁴⁰, В. Кисселя («Культ мертвого поэта и русский модерн», 2004)⁴¹, В. Казака («Смерть в русской литературе», 2005)⁴² и др. В 2006 г. в Мюнхене состоялась конференция «Танатология, танатопэтика, смерть поэтов, поэты смерти», а в 2007 г. был опубликован сборник ее материалов, который открывался парадигмальной статьей А. Ханзена-Лёве «Основные положения танатопэтики»⁴³.

На мой взгляд, такая богатая и разнообразная история является убедительным доказательством существования танатологии как специфической области научного знания. Исходя из целей и стандартов деятельности, декларированных на Национальном конгрессе по танатологии в Нью-Йорке в 1990 г. (необходимость международного сотрудничества; формирование комплексной танатологической базы данных; необходимость объединенных, мультидисциплинарных исследовательских действий; улучшение кооперации между теоретиками и практиками; передача обществу информации о последних открытиях и достижениях в сфере клинической, исследовательской, образовательной танатологии; необходимость танатологического образования на протяжении всей жизни человека)⁴⁴, позволю себе сформулировать основные задачи гуманитарной танатологии:

- 1) изучение сущности смерти и ее видов, способов их репрезентации и представлений о них в различных культурах, исторических эпохах, философских и художественных системах;
- 2) классификация форм и смыслов (моделей) умирания, способов защиты от страха смерти, которые могут использоваться в образовательных целях и для помощи умирающим;
- 3) исследование опыта умирания и наблюдения за умиранием, а также физиологических и ментальных (религиозных, философских, социальных) механизмов и причин умирания;

⁴⁰ Семикина Ю. Г. Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1880-х гг.: Образы и мотивы: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

⁴¹ Kissel W. S. *Der Kult des toten Dichters und die russische Moderne: Puškin, Blok, Majakovskij*. Köln, 2004.

⁴² Kasack W. *Der Tod in der russischen Literatur*. München, 2005.

⁴³ Hansen-Löve A. A. *Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes (Tagung München 2006)*. München; Wien; Bamberg, 2007. S. 7–78.

⁴⁴ The Thanatology Community and the Needs of the Movement / ed. E. J. Clark, A. H. Kutscher. New York, 1992. P. 2.

4) определение влияния танатологических представлений на тип культуры, иначе — последствий принятия обществом или индивидом той или иной танатологической концепции;

5) анализ понятий и форм, связанных с Танатосом в истории человеческой культуры (жизнь, зло, грех, война, кладбище, женщина, хаос, эсхатология, потусторонний мир и др.), их взаимодействия с Танатосом;

6) рассмотрение танатологических метафор («смерть души», «смерть автора», «смерть искусства») и их влияния на культуру;

7) общественное обсуждение и решение вопросов эвтаназии, сопровождения тяжелобольных, распространения танатологической информации в обществе;

а также задачи литературоведческой танатологии:

1) определение объектно-предметной сферы литературоведческой танатологии;

2) изучение танатологической проблематики и танатологических элементов на всех уровнях литературного произведения;

3) выявление и классификация танатологических концепций, функционирующих в мировой литературе;

4) исследование генезиса литературных элементов и форм, связанных с танатологической проблематикой;

5) описание истории и методов танатологических изысканий;

6) анализ возможностей использования в литературоведении опыта осмысления смерти из других областей человеческого знания;

7) трансляция литературного опыта осмысления смерти в другие области человеческого знания и человеческой деятельности.

Накопленный опыт в сфере танатологии позволяет наметить и примерную *структуру* данной области знания. Кроме традиционного выделения теоретической и исторической, фундаментальной и прикладной танатологии, с ней можно связать также суицидологию (Э. Дюркгейм, Н. Бердяев, Э. Шнейдман, А. Граф, И. Паперно, Г. Чхартишвили)⁴⁵, теорию агрессивности, опирающуюся на психоаналитические и культурно-антропологические исследования (Э. Фромм, А. На-

⁴⁵ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994; Шнейдман Э. С. Душа самоубийцы. М., 2001; Бердяев Н. А. О самоубийстве: Психологический этюд. М., 1992; Graf A. Das Selbstmordmotiv in der russischen Prosa des 20. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc., 1996. (Heidelberger Publikat. zur Slavistik; Bd. 5); Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999; Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2000.

заретян)⁴⁶, тафологию (В. Багдасарян, А. Гришков)⁴⁷, иммортологию (И. Вишев, О. Пугачев)⁴⁸ и т. д.

Наконец, важнейшим вопросом, заявленным в начале статьи, был вопрос об *объектно-предметной сфере* танатологических исследований.

Не буду останавливаться на спорах в естественных науках об определении смерти. Устраивает ли человека толкование его кончины как «прекращение функций сердца или мозга»? Мое глубокое убеждение заключается в том, что гуманитарные науки в танатологической области имеют приоритет перед естественными. Их задача — выявлять концепции отношения к смерти, заключенные в различных источниках мировой культуры, в том числе в литературных произведениях. Следовательно, гуманитарные науки имеют дело не с самой смертью, а с ее *феноменом*, представлениями о ней, ее художественным воплощением и т. д. Гуманитарная танатология, таким образом, изучает общекультурный опыт осмысления и описания смерти.

А с чем имеет дело литературоведение? Оно обладает, пожалуй, самым разнообразным терминологическим аппаратом для работы с указанным феноменом: «тема смерти», «мотив смерти», «образ смерти», «художественная танатология» и т. д. Выбор того или иного понятия зависит от исследуемого уровня литературного произведения.

Существуют различные подходы к художественному тексту в русле танатологии: герменевтический, психоаналитический, нарратологический, структуралистский антропологически ориентированный, эстетическо-категориальный и др.⁴⁹ Здесь хочу акцентировать возможности комплексного осмысления объектно-предметной сферы литературоведческой танатологии с позиций семиотического подхода. Триада Ч. Морриса «семантика — синтактика — прагматика» позволяет говорить о 1) танатологических значениях (смыслах, концептах, в том числе из области бессознательного) и их репрезентации; 2) месте

⁴⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Назаретян А. Л. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007.

⁴⁷ Багдасарян В. Э., Гришков А. М. История погребальной культуры: Танатологическая семантика. М., 2003.

⁴⁸ Вишев И. В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. М., 2005; Пугачев О. С. Идея бессмертия в русской религиозной философии. Конец XIX — начало XX века. Пенза, 1996.

⁴⁹ См.: Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда, 2007; Он же. Танатологические мотивы в художественном творчестве: эстетический аспект. М., Вологда, 2010.

танатологических мотивов в нарративной организации и структуре литературных произведений; 3) взаимодействии танатологических мотивов с действительностью, их эстетической рецепции, общественной реакции на них, «смертветворчестве» в литературном быту⁵⁰ и пр. Соссюровское понятие парадигматики дает возможность соотнести танатологические мотивы с различными историко-культурными и литературными парадигмами: типами поэтики, направлениями, родами, жанрами и т. д.⁵¹

Ключевой вопрос — выполняют ли танатологические элементы (мотивы, персонажи, хронотопы и т. п.) особые функции в литературном произведении? Представлю хотя бы некоторые свои наблюдения.

1) Семантика танатологических элементов разнопланова и во многом зависит от ментальных установок периода создания произведения. Основными историческими эпохами, определяющими трансформацию танатологической семантики, являются эпохи традиционного общества (до XVIII в.) и общества Модерна (с XVIII в.). При смене этих эпох, продолжающейся до сих пор, происходит переход от восприятия смерти как метафизического явления к отношению к ней как биологическому, физиологическому факту, особенно в XIX–XX вв. Другими факторами, влияющими на семантику танатологических элементов, являются религиозное или секуляризованное сознание, этническая ментальность, философские и научные концепции, индивидуально-авторское мировоззрение. Танатологическая семантика репрезентируется с помощью различных выразительных средств. Возможна прямая номинация танатологических элементов и переносная с использованием широкого диапазона метафорических и метонимических эффемизирующих приемов.

2) Синтаксическая специфика танатологических мотивов заключается в их «интенции к завершению», изоморфной реальной жизни. В то же время данные элементы способны выполнять не только сюжетопрерывающие функции в конце произведения, но и нарративообразующие, сюжетообразующие, давая толчок к развитию семантики и повествования в начале или середине текста, формировать тему произведения (темообразующая функция).

Изображение танатологических сюжетных ситуаций зависит от типа наррации: «смерть извне» (повествование с точки зрения умирающего «я»), «смерть изнутри» (безличное повествование), «смерть изнутри, но извне» (повествование с точки зрения «я», наблюдающего за танатологической ситуацией), «смерть извне, но изнутри» (повествование с точки зрения «всеведущего» автора, передающего внутреннюю речь и внутреннее состояние умирающего персонажа).

⁵⁰ См.: Доманский Ю. В. «Тексты смерти» русского рока. Тверь, 2000.

⁵¹ См.: Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.

Танатологические мотивы участвуют в формировании сюжета. Танатологическая рефлексия (пророчество, воспоминание) трансформирует темпоральный порядок в нарративе, оформляет внутритекстовую модальность. Танатологические мотивы предстают как реализуемая или нереализуемая возможность в «сюжете становления» Нового времени.

3) Танатологические элементы обладают прагматическими свойствами. В контексте произведения они воздействуют на читателя эстетически, транслируя определенную идеологию. В результате они способны влиять на поступки отдельных людей (самоубийство А. Радищева, Г. фон Клейста, Ю. Мисимы и т. д.) и даже на социальное поведение в целом (феномен «вертерианства»). Особым феноменом культуры и литературного быта является смерть писателя, провоцирующая возникновение мемориальных текстов и сигнализирующая о смене литературного «лидера», а иногда и целой эпохи.

4) Танатологические элементы вписываются в различные литературные парадигмы. Писатель не только организует танатологические элементы на горизонтальной оси высказывания, но и осуществляет их выбор (с точки зрения семантики и выразительных средств) по вертикали. Этот выбор зависит от рода литературы, типа организации художественной речи, жанра, парадигм художественности (типов поэтик, направлений, стилей, школ), национального и гендерного аспектов. Танатологические элементы являются релевантными для определенного круга жанров (эпитафия, элегия, детектив, житие) и жанровых направлений («готическая», «военная» литература).

Намеченные специфические задачи, структурные компоненты, объектно-предметная сфера, обширная история вопроса литературоведческой танатологии позволяют надеяться на перспективность развития данной области.